

Глава 2

Пэй Сюань высоко поднял свиток с сочинением и, приложив немало усилий, выбрался из толпы. Остановившись перед слугой, он почтительно поклонился.

— Ученик Пэй Сюань приветствует вас.

Слуга отступил в сторону, освобождая проход:

— Господин Пэй, прошу за мной.

Остальные ученики остались снаружи. Они провожали юношу завистливыми взглядами, пока тот шёл следом за слугой через боковую дверь в резиденцию учёного-чиновника.

Пэй Сюань крепко сжимал в руках свою работу, ощущая в душе смутную тревогу. Строго говоря, он не мог назвать себя учеником господина Чжу. Академия, где преподавал наставник, была местом для принцев, отпрысков знатных родов и богачей; ему вход туда был заказан.

С ранних лет он учился в сельской школе за городом, но после того, как в прошлом году успешно выдержал осенние экзамены, старый учитель велел ему больше не приходить. Наставник признался, что сам за всю жизнь так и не сумел пройти это испытание, а раз его ученик превзошёл его, то и учить юношу больше нечему — дальнейшие занятия лишь погубят его блестящее будущее.

Студенту ничего не оставалось, как собрать книги, вернуться домой и заниматься самостоятельно. Однако учение без наставника напоминало путь в кромешной тьме: он часто заходил в тупик, не понимая сути сложных трактатов, а его собственные сочинения раз за разом выходили неудачными.

Он заранее разузнал, что сегодня у господина Чжу выходной, поэтому тщательно отобрал одну из своих лучших работ, переписал её на белом и с самого рассвета ждал у ворот, чтобы передать прошение об аудиенции. Если бы наставник удостоил его хотя бы парой слов напутствия, Пэй Сюань сохранил бы их в сердце до конца своих дней.

Он сжал кулаки, решив во что бы то ни стало проявить себя.

Слуга, заметив его замешательство, слегка коснулся его плеча:

— Господин Пэй, о чём вы задумались?

Юноша вздрогнул и поднял взгляд:

— А?

— Перед вами наш наставник Чжу, — напомнил слуга.

Юноша замер, встретившись взглядом с Чжу Цинчэнем, стоявшим на каменных ступенях.

Чжу Цинчэнь торопливо вышел на крыльцо. На нём было лишь наброшенное поверх нижних одежд верхнее платье; длинные волосы мягкими волнами спадали на плечи. Лицо его, гладкое и светлое, напоминало безупречный кусок резного нефрита, а глаза сияли, словно в них застыла сама тьма. Пэй Сюань не ожидал увидеть наставника столь молодым — он совсем не походил на тех седовласых старцев, что обычно занимали подобные должности.

[Я боялся, что ты не привыкнешь к новому облику, поэтому открыл доступ к данным твоего прежнего тела и перенёс их сюда. Ну как? Недурно, правда?]

Чжу Цинчэнь поджал губы и мысленно отозвался:

«Двадцатилетний учитель и девятнадцатилетний ученик... Ну ты и затейница»

[Мне нравится работать с молодыми Носителями, — Система явно смутился. — Может, накинуть тебе ещё года три? Это предел моей власти. Но не волнуйся, для учебного мира я выставил все твои параметры на максимум]

В этот момент Пэй Сюань пришёл в себя и поспешно склонился в глубоком поклоне:

— Наставник.

Чжу Цинчэнь едва заметно кивнул и спустился со ступеней:

— Следуй за мной.

— Слушаюсь, — юноша почтительно пристроился позади.

Пройдя несколько шагов, Чжу Цинчэнь вдруг остановился и обернулся к слуге:

— Пошли людей собрать работы учеников у ворот. Я просмотрю их, как только выкрою время. Скажи им, что не стоит ждать здесь весь день.

— Будет исполнено, — слуга кивнул и тут же позвал нескольких помощников.

Чжу Цинчэнь снова перевёл взгляд на Пэй Сюаня:

— Идём.

Собеседник шёл следом, но спустя мгновение не выдержал и решил признаться:

— Наставник...

— Что такое?

— Я не принадлежу к числу учеников Академии. Если это для вас препятствие, я немедленно...

— Я знаю, — перебил его Чжу Цинчэнь, не замедляя шага. — Знания в Академии не всегда лучшие, а ученики не делятся на сословия.

— Слушаюсь.

Чжу Цинчэнь бросил на него короткий взгляд и вернулся в свои покои. Пэй Сюань, всё так же кротко, последовал за ним.

Раз наставник знает правду и всё равно согласен дать совет, нужно ловить каждое его слово, запоминая всё до последней капли.

Чжу Цинчэнь пригладил волосы и только сейчас вспомнил, что ещё не умывался и не переодевался. Он коснулся воды в медном тазу — чистая, хоть и успела остыть. Звать слуг и снова менять воду ему было недосуг, поэтому он решил обойтись тем, что есть.

Подойдя к Пэй Сюаню, он взял его за рукав и легонько потянул назад.

— Наставник? — удивился юноша.

Чжу Цинчэнь вывел его в приемную и указал на порог:

— Я собираюсь умыться. Встань здесь и прочти мне своё сочинение.

Юноша замялся, но послушно ответил:

— ...Слушаюсь.

Чжу Цинчэнь прикрыл дверь, засучил рукава и склонился над тазом.

Стоя снаружи, Пэй Сюань опустил взгляд на свои записи и нерешительно начал:

— Учитель, я начинаю.

— М-м, — отозвался Чжу Цинчэнь, зачерпывая пригоршню прохладной воды.

— «Ибо в сердце Небес и Земли...»

— Громче. Мне не слышно.

— Да. — Пэй Сюань сделал паузу и снова начал: — «Ибо...»

— Ещё громче! Кричи так же, как я. Снаружи тебя всё равно никто не услышит, а твоё сочинение никуда от крика не убежит.

— Слушаюсь!

Система, вооружившись измерителем громкости, прокомментировала:

[Приборы показывают, что по сравнению с тобой он всё равно шепчет]

Чжу Цинчэнь набросил чистое платье и собрал волосы:

«Я не требую, чтобы он кричал так же громко, как я. Я хочу, чтобы он расправил плечи, поднял голову и обрёл уверенность в себе и в том, что он пишет»

«Прежде он был вынужден вести себя тихо и осторожно — жизнь заставляла, и я его понимаю. Но теперь, когда у него есть я, пришло время заявить о себе во весь голос»

Тем временем Пэй Сюань, стоявший за дверью, постепенно вошёл в раж. Его голос креп и разносился всё увереннее.

С самого детства — и в сельской школе, и в семейной лавке — он привык быть тенью. В школе всегда находились дети богачей, в лавке — грубые посетители, и все они смотрели на него свысока. Он обожал книги, но учился украдкой, привыкнув читать про себя. Он даже вслух произносить слова не смел, боясь насмешек: мол, не по чину замахнулся. Он никогда не читал громко даже труды древних мудрецов, не говоря уже о собственных мыслях.

Но сейчас звук собственного голоса заполнял всё пространство вокруг, возвращая его к тем чувствам, что он испытывал, когда только выводил эти строки на бумаге. Сердце билось чаще, а душа ликовала.

— «...И в этом — причина единения всех земель под небесами!»

Закончив последнюю фразу, Пэй Сюань поднял голову; его глаза сияли восторгом.

Чжу Цинчэнь, уже полностью одетый и причёсанный, как раз отворил дверь и вышел к нему. Стоило Пэй Сюаню встретиться с ним взглядом, как юноша тут же растерял всю свою удаль, снова становясь робким и тихим. Он отступил в сторону и низко поклонился:

— Наставник.

— Недурно, — Чжу Цинчэнь забрал у него сочинение и прошёл к столу. Усевшись на циновку, он разложил работу перед собой и указал на место напротив: — Садись.

— Слушаюсь, — Пэй Сюань опустился на колени, чинно сложив руки.

— Ты не против, если я сделаю пометки прямо в тексте? — поинтересовался Чжу Цинчэнь.

— Что вы, я не смею возражать, — Пэй Сюань поспешно закатал рукава и принялся растирать тушь для учителя.

— Хорошо. — Чжу Цинчэнь обмакнул кисть и уверенным движением подчеркнул несколько строк. — Здесь, здесь и вот тут — одни общие фразы. А вот в этих местах ты не чувствуешь меры: то слишком скуп на слова, то излишне многословен.

Юноша слушал, не пропуская ни слова, и то и дело согласно кивал. Природа наделила его острым умом, а старательность позволяла схватывать всё на лету. Чжу Цинчэню не приходилось подолгу растолковывать очевидное.

Спустя время слуга внес в комнату собранные у ворот работы. Их оказалось столько, что пришлось задействовать три огромные корзины.

Чжу Цинчэнь округлил глаза:

— Так много?

— Как только городские ученики прознали, что наставник желает видеть их труды, они тут же поспешили прислать всё, что у них было, — объяснил слуга.

Рука Чжу Цинчэня, сжимавшая кисть, едва заметно дрогнула. Он ведь просто хотел, чтобы Пэй Сюань не выглядел в глазах других слишком особенным, не хотел прослыть пристрастным... Кто же знал, что всё обернётся так?

— Наставник, не торопитесь. Я пообещал им, что они смогут забрать свои работы через три дня, — добавил слуга и спохватился: — Ах да, вы же ещё не завтракали. Пойду принесу сладости.

[Носитель, — прошептал Система, — я выставил твою славу на максимум. Так что приготовься: желающих получить твой совет будет очень, очень, **ОЧЕНЬ** много...]

Чжу Цинчэнь левой рукой прижал дрожащую правую.

«Спокойно!»

Он повернулся к Пэй Сюаню и с мягкой улыбкой произнёс:

— У нас осталась последняя страница. Давай продолжим.

— Да, — кивнул юноша.

Через четверть часа Чжу Цинчэнь закончил разбор. Пэй Сюань несколько мгновений не отрывал взгляда от исправленного текста, а затем вдруг вскочил и отвесил учителю низжайший поклон:

— Благодарю за наставление. Вы словно открыли мне глаза.

Чжу Цинчэнь слегка поддержал его под руку:

— Не стоит таких церемоний. До весенних экзаменов в следующем году ещё есть время. Возвращайся домой, занимайся в тишине и покое. Если что-то останется непонятным — приходи в любое время.

— Слушаюсь. — Пэй Сюань коснулся лбом пола. — Вашу милость я не забуду до самой смерти.

Поколебавшись мгновение, он негромко спросил:

— Только... наставник, у меня остался один вопрос.

— Спрашивай.

— Сегодня у ворот ждало столько достойных учеников. Почему вы выбрали именно меня?

— Ну...

Чжу Цинчэнь замялся. Не мог же он сказать: «Потому что ты — угрюмый шоу и в будущем прыгнешь с башни, поэтому я выбрал тебя»?

Встретившись с преданным взглядом Пэй Сюаня, Чжу Цинчэнь пришёл в себя:

— Когда-то я проходил мимо вашей винной лавки и видел, как ты за прилавком успевал и помогать в делах, и читать книги. Ты старательный и способный юноша. Такому человеку негоже прозябать в неизвестности, тебе нужно двигаться дальше.

От этих слов у Пэй Сюаня на глаза навернулись слёзы. Оказалось, что все его годы упорного труда, все бессонные ночи не прошли незамеченными.

Чжу Цинчэнь похлопал его по плечу и добавил:

— Как только справишь сочинение — приходи. И если возникнут трудности — тоже. Экзамены близко, не позволяй пустякам отвлекать тебя.

Пэй Сюань посмотрел на него со всей серьёзностью:

— Да. Благодарю за совет, учитель, я всё запомнил.

— Вот и славно. Иди.

Пэй Сюань поднялся и, продолжая кланяться, начал медленно отступать к выходу. Чжу Цинчэнь провожал его довольным взглядом.

Система, устроившись на краю стола, заметил:

[Носитель, кажется, возраст тебе прибавлять не нужно. С этим выражением лица ты — вылитый старый наставник]

Чжу Цинчэнь перестал улыбаться и снова принял свой обычный, слегка сердитый вид:

— Молчи. Я с тобой ещё не рассчитался за эти корзины! И как мне теперь всё это прочитать?!

Пэй Сюань бережно спрятал за пазуху исчерканное пометками сочинение и смахнул слёзы. Слуга проводил его до боковой двери:

— Счастливого пути, господин Пэй... Только не плачьте так сильно.

Едва Пэй Сюань покинул резиденцию, как с другой стороны улицы, из-за поворота, показался князь Цзин. Он восседал на высоком коне с луком за спиной, окружённый свитой друзей. Они направлялись на охоту.

Князь прищурился, провожая юношу взглядом, и небрежно бросил:

— Это ведь Пэй Сюань? Что он делал в резиденции учёного-чиновника Чжу?

Один из приближённых тут же ответил:

— Ваше Высочество, у господина Чжу сегодня выходной, и ученики пришли выразить почтение. Наставник лично велел пригласить внутрь некоего Пэй Сюаня. Вы его знаете?

— Пэй Сюань? — остальные принялись смаковать это имя. — Звучит знакомо.

— Разве вы не помните? — лениво отозвался князь. — За городом есть винная лавка семьи Пэй. Мы часто останавливаемся там на отдых во время охоты. Пэй Сюань — сын владельцев этой лавки.

— Ах, так вот кто это! — догадались спутники.

Князь продолжал:

— Он уже сдал осенние экзамены и теперь готовится к весенним. А вы? Вы ведь даже осенние завалили.

Кто-то выпрямился в седле и упрямо возразил:

— Нам достаточно титулов наших предков, к чему нам эта суета с экзаменами? К тому же, неудача на экзамене — дело случая. Сомневаюсь, что Пэй Сюань превосходит нас в талантах или доблести.

— Вот именно!

Князь Цзин коротко рассмеялся:

— Но я припоминаю, как однажды вы, перебрав вина, принялись рассуждать о делах государственных, а он, не поднимая головы, разбил все ваши доводы парой фраз. Вы тогда и слова вымолвить не смогли.

Собеседники неловко забормотали:

— Было дело...

— Любопытно, — князь не спеша повернул кольцо на большом пальце. — Кажется, у наставника Чжу намётан глаз. Я давно приметил этого юношу, а теперь и он им заинтересовался.

Он повысил голос:

— Сначала на охоту, а в полдень, как обычно, остановимся в лавке семьи Пэй.

Он ослабил поводья, и кавалькада всадников вихрем пронеслась по улице, вздымая клубы пыли.

<http://bllate.org/book/15820/1422103>